

10. Левитан Мордух Израилевич. Запись в дневнике 25 декабря 1941 г. // Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University. L. Smilovitsky's collection.
11. Дневник Давида Израилевича Соболевского. Запись 10 февраля 1942 г. См.: Дневник пропавшего без вести, 1941–1943 гг. СПб, 2014. – С. 29.
12. Письмо Якова Моисеевича Скульского - жене Гене Брехман в Кустанай (Казахстан) 11 июня 1942 г. // Archive ...
13. Письма М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 16 июня и 18 августа 1942 г. // Archive ...
14. Дневник Д.И. Соболевского. Запись 13 сентября 1942 г. См.: Дневник пропавшего без вести, 1941–1943 гг. СПб, 2014. – С. 104.
15. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 12 ноября 1943 г. // Archive ...
16. Письмо В.Х. Финкельштейна – З.Н. Бурденко 1943 г. Без точной даты // Archive ...
17. Кладницкий, Давид. Стихи / Давид Кладницкий – Киев, 2011.
18. Письмо Н. Тельжинского – жене Эмме 14 октября 1941 г. // Archive ...
19. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 7 июня 1942 г. // Archive ...
20. Письма Юрия Хацкелевича Пинского – родным в г. Соль-Илецк Оренбургской обл. 6 февраля 1942 г. и 26 февраля 1945 г. // Archive ...
21. Письмо Н. Тельжинского – жене Эмме 24 августа 1942 г. // Archive ...
22. Письмо Наума Бейлина - жене Гите Чарной в г. Омск (Западная Сибирь) 13 июня 1942 г. // Archive ...
23. Письмо Веры Куфаевой из действующей армии – своим родителям в г. Калач Воронежской обл. 20 января 1943 г. Письмо находилось в пути более двух месяцев и было получено только 25 марта 1943 г. // Archive ...
24. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 1 марта 1945 г. // Archive ...
25. Письмо Наума Кунина из действующей армии - жене Кобриной в Смоленскую обл. 5 февраля 1945 г. // Archive ...
26. Письма Д. Поляка из Гороховецких запасных лагерей в Горьковской обл. – родителям в Москву 10 октября 1941 г. // Archive ...
27. Письмо И.С. Перлова - С.Л. Вулих 2 марта 1942 г. // Archive ...
28. Письмо Н.М. Левита – В.И. Тумаринсон 27 марта 1942 г. // Archive ...
29. Письмо Н. Бейлина – Г. Чарной 6 июня 1942 г. // Archive ...
30. Письмо И.С. Перлова - С.Л. Вулих 1944 г. Без точной даты // Archive ...
31. Письмо Я.М. Скульского – Г. Брехман 30 июня 1942 г. // Archive ...
32. Письмо Льва Владимировича (Вольфовича) Ципенюка из Саратовской обл., ст. Разбойщина – В.Л. Ципенюку в Ташкент Узбекской ССР 29 июля 1942 г. // Archive ...
33. Письмо В. Куфаевой – своим родителям 25 января 1943 г. // Archive ...
34. Письмо Н. Бейлина - Г. Чарной 15 апреля 1943 г. // Archive ...
35. Письмо Георгия Павловского из Штеттина – Аиде Рабинович в Москву 19 апреля 1945 г. // Archive ...
36. Письма М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 10 августа, 12 ноября и 6 декабря 1943 г. // Archive ...
37. Письмо Я.М. Скульского – Г. Брехман 4 августа 1944 г. // Archive ...
38. Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 26 октября 1944 г. // Archive ...
39. Письмо Н. Бейлина – Г. Чарной 20 ноября 1944 г. // Archive ...
40. Письма М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 23 марта, 20 апреля 1942 г., 10 июля, 23 октября 1944 г. // Archive ...
41. Имеется в виду Саратовский военно-медицинский институт - высшее военное учебное заведение профессионального образования для подготовки офицерских врачебных кадров медицинской службы Красной Армии (1939–2010 гг.).
42. Письмо Юлия Аркадьевича Лапина из действующей армии – матери Фанне Борисовне с. Донское Таврического района Восточно-Казахстанской области 2 апреля 1942 г. // Archive ...
43. Дневник Петра Денисовича Лютых. Запись 5 апреля 1942 г. // Archive ...
44. Гó би - обширный регион в Центральной Азии (на территории Монголии и Китая), характеризующийся пустынными и полупустынными ландшафтами. Гоби простирается на 1600 км с юго-запада на северо-восток и на 800 км с севера на юг, площадь – 1 300 000 км².
45. Письмо Н. Бейлина – Г. Чарной 11 февраля 1943 г. // Archive ...
46. Михаил Соломонович Абрамович (1908-1945 гг.), майор, в мае 1944 г. получил назначение на должность начальника штаба 23-й гвардейской мотострелковой бригады 7-го гвардейского танкового корпуса.
47. Письмо Михаила Соломоновича Абрамовича из действующей армии – жене Евгении Яковлевне Абрамович в г. Ярославль 31 мая 1944 г. // Archive ...

Материал поступил в редакцию 28.09.2017

Dr. LEONID SMILOVITSKY "I Hasten to Inform You ..." Conditions for Writing a Letter from the Front (On Pages of World War II Correspondence and Diaries)

The article is devoted to the previously under-examined topic of studying the conditions for the existence of private correspondence, during the period of 1941-1945, as an historical source. The coverage of the circumstances in which the soldiers and commanders of the Red Army wrote letters home – to their relatives, friends and neighbors, comrades in arms – helps to develop a true picture of the environment around them and of everyday military life, provide the necessary details for understanding the behavior of a person in war, and reveal his inner world. The activity of the military field mail is shown, which in the most difficult conditions successfully carried out the task assigned to it. The article is based upon data from letters and diaries of Soviet Jews – soldiers of the Red Army – which were collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University over the last five years (2012-2017) and are herein introduced into academic circulation for the first time.

УДК 543.89

Стрелец М.В.

**РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Рецензирование научных трудов сопряжено с колоссальной ответственностью. Необходимо капитально владеть проблематикой, относящейся к рецензируемой публикации. Принципиально важно применение оптимального теоретико-методологического инструментария анализа научных трудов. Азбучной истиной является соблюдение профессиональной этики в тех случаях, когда демонстрируется

несогласие с автором публикации. Каждый рецензент должен твердо знать нормативно-правовые акты, регулирующие комплекс вопросов, связанных с защитой интеллектуальной собственности. Книга крупного белорусского учёного Ивана Ивановича Синчука с обращением на себя внимание названием «Ненужные рецензии» полностью удовлетворяет перечисленным критериям.

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

В настоящей публикации будут разобраны те рецензии этого учёного, которые относятся к трудам в области вспомогательных исторических дисциплин. Ссылки в круглых скобках, стоящие в цитатах, являются авторскими и отсылают к страницам рецензируемых произведений.

Один из важных нумизматических трудов – книга **Рябцевича В.Н. «Российско-«польские» монетные эмиссии эпохи Петра I»**. Если в советской Беларуси Валентин Наумович был нумизматом номер один, то с самого начала существования постсоветской Беларуси в ней было два лидера в данной области: В.Н. Рябцевич и И.И. Синчук. Издание книги датировано 1995 годом и, естественно, один лидер оценивает интеллектуальный продукт другого. После смерти В.Н. Рябцевича, случившейся в 2008 году, Иван Иванович стал единственным лидером в белорусской нумизматике. Конечно, с И.И. Синчуком можно поспорить насчёт названия рецензии «Петровские чехи и тинфы: заметки читателя». Более подходящий вариант представляется таким: «Петровские чехи и тинфы: заметки коллеги».

Рецензент нацеливает читателя на то, что эта книга – этапное событие в нумизматических научных исследованиях. «Книга посвящена истории производства «военных» московских пулторак и тинфов, которые автор определяет как монеты чрезвычайных обстоятельств. Монография, являющаяся докторской работой автора, разрешила ряд проблем и позволила по-новому взглянуть на уже известные факты. Так, стало очевидным, что севские пултораки (чехи) предназначались не только для вновь присоединенных земель Украины, но и для земель Речи Посполитой. Автору удалось подсчитать производительность вальцевальных машин, которые были использованы при производстве чехов. В работе определен регион распространения тинфов Петра I: Речь Посполитая, Саксония, Пруссия. Шестаку Петра I, который до последних лет скрывался под именем полутинфа, автор вернул его название. Выяснено, что в 1707 г. в Москве производились абсолютные подражания саксонским зехстельталерам. Чрезвычайно интересно наблюдение о выпуске чехов в 1687 г. с датой «1686», шестаков в 1708 г. с датой «1707», и перегазировке на штемпелях тинфов дат с «1707» на «1708», «1708» на «1709». Проведена масса технической работы – выявлены все сохранившиеся на время создания работы монеты, о которых идет речь в тексте, их описания в литературе и места находок этих монет. Значительная часть работы отведена под историографические обзоры. Неожиданный результат тщательных историографических штудий В.Н.Рябцевича – объяснение бывшего загадочным для меня медного севского чеха из собрания Эрмитажа как антикварной подделки вт. пол. 19 в.» [1, с. 6].

Вместе с тем Иван Иванович формулирует свои замечания, которые объединены в две группы. Первая группа зациклена на чехе, вторая – на тинфе. Каждая группа делится на подгруппы.

Перейдём к подгруппам первой группы.

1. Чех

1.1. Прототип путивльского и севского чехов

«Прототипом путивльского чеха 1676 г. (предшествовавшего севскому, но нереализованного проекта), как по ряду деталей изображения определил В.Н. Рябцевич, является пулторак Сигизмунда III 1622 г. (с. 42–43). О прототипе пулторака севского дела вполне определено, как кажется на первый взгляд, говорит приведенный В.Н. Рябцевичем документ: «делать ... против королевских Жигимунтовских чехов» (с. 56)» [1, с. 8].

Чтобы утверждать наверняка, Иван Иванович «разбивает понятие «прототип» на ряд дробных: прототип типа аверса, прототип типа реверса, весовой прототип, что сделает разговор более конкретным и обяжет каждый раз определить, о каком образце говорит документ. Наибольший интерес представляет весовой прототип ... Ниже будет показано, что весовым прототипом московских чехов пултораки Сигизмунда III быть не могли».

1.2. Вес путивльского и севского чехов

Рецензент с аптекарской точностью соотносит вес путивльского и севского чехов, базируясь на логической структуре понятия «весовой прототип». Иной путь представляется тупиковым, неверным и методологически, и теоретически. К сожалению, именно на такой путь стал В.Н. Рябцевич. Выявлена путаница в ориентации на единицы веса. Показана несостоятельность той ориентации, которая

возникла у профессора на основании слишком поверхностного прочтения «Росписи чеховому делу от 28 декабря 1675 г.».

«Официально вес путивльского чеха был установлен в 1675 г., как можно легко подсчитать, в $\frac{1}{4}$ золотника: стопа в 384 монеты из фунта – «таких чехов будет в фунт 384 чеха» (с. 39, 47), а $96 \cdot 4 = 384$ (российский фунт делился на 96 золотников). Задавался же вес чеха не через русские единицы веса (фунт – золотник – почка), но с помощью веса «весовой», если позволительно так сказать, денги: «Польской чех весом по 5 ден., а ходит вместо русских 2 ден. И будет такие чехи делать, а класть в них серебра 5-я доля, а 4 доли меди» (Роспись чеховому делу от 28 декабря 1675 г.) [2]. Понятно, что под словами документа «делать против старых польских чехов» имеется в виду рисунок монеты, но не вес коронных пулторак, ибо в таком случае русский фунт должен был иметь вес $384 \cdot 1,20 = 461$ г (если весовым прототипом выступают пултораки Сигизмунда III), что очевидно не соответствует современным представлениям о весе русского фунта 17 в., который специальные работы определяют в 409,512 г.» [1, с. 10].

И.И. Синчук также подметил, что у В.Н. Рябцевича «имеются существенные разбежки в расчетах проектного веса севского чеха – один раз (июнь 1686 г.) вес чеха в четыре денги весом определяется как 0,82 г (с. 54, 96), другой (ноябрь 1686 г.) вес чеха в четыре денги – как 0,95 г (с. 62) и делается вывод о повышении уставного веса чеха. В.Н. Рябцевича должно было насторожить существенное несоответствие определенного им же среднего веса сохранившихся экземпляров в 0,86 г с названным документами нормативным весом, которое трудно объяснить случайным отклонением – разница составляет почти 10%. В первом случае вес чеха определяется автором с помощью действительного веса серебряных проволоочных копеек, битых после 1680 г., которые автор принимает по 0,41 г, а во втором – делением фунта в 409,512 г на 430 чехов» [1, с. 13–14].

1.3. Курс чеха – «сверхистинные» деньги на рынке

Любой медиевист, занимающийся историей денежного обращения в ВКЛ, Речи Посполитой, обязательно столкнется с чрезвычайной сложностью при выявлении реального рыночного пространства в условиях господства феодальных производственных отношений. Эти отношения не стыкуются с рыночным пространством. Единого рыночного пространства в ВКЛ, Речи Посполитой не могло быть по определению. Более правильно говорить о дискретно существовавших пространствах для обменных операций между производителями товаров и потребителями. По прошествии многих веков произвести безукоризненную системную реконструкцию подобных пространств практически невозможно. Конечно, скрупулёзная работа с архивными документами и материалами может помочь серьёзно продвинуться в выяснении курсов денежных единиц на таких пространствах в ВКЛ. Нужно тщательно изучить весь источниковый массив, относящийся к сделкам, к субъектам и объектам рынка.

«Одно из ключевых положений книги – утверждение, что курс чеха составлял на рынках ВКЛ 40% от номинального. Доказывается это положение отсылкой к криминальному делу 1692 г. одного могилевского мещанина, связанному с обменом севских чехов. Однако разумеется противится свидетельству документа. Пулторак Сигизмунда III 1619 г. содержал 0,5 г чистого серебра [15]. Московский пулторак 1686 г. имел официально пробу V 1/3 лота (с. 56, 72), т. е., исходя из среднего веса, содержал 0,9:3 = 0,3 г чистого серебра, столько же, сколько пулторак Яна Казимира по ординации 1658 г.» [1, с. 17].

Размышляя по данной позиции, И.И. Синчук в отличие от В.Н. Рябцевича оказывается более убедительным в вопросе о том, в какой степени чех был кредитной монетой.

«В итоге получается, что севский чех во время единичной несостоявшейся из-за несогласования цены оптовой сделки оценивался в 63% от номинала. Свидетельство документа ограничивается только этим и неправомерно привлекать его для определения курса севского чеха на рынках Речи Посполитой» [1, с. 18].

1.4. Прибыль, норма прибыли или технологическая карта?

«Поскольку условием принятия чеха рынком были привычный вес и диаметр пулторака, а так же его внешний вид, то возможность сделать операцию прибыльной можно было найти лишь в уменьшении пробы. Уже упоминавшаяся «Роспись чеховому делу» 1675 г. приводит шесть вариантов проб.

Автор, воспользовавшись «Росписью», указывает: «Заблаговременно подсчитана прибыль, которую должна дать перечеканка 100 пудов лигатурного металла – от 8976 (при пробе в III 1/5) до 11928 (при пробе в I 3/5) рублей» (с. 39). Формально все правильно. Действительно, источник называет эти суммы, действительно рассматриваются эти пробы (опубликован Деммени М.Г.). И в то же время все неверно!» [1, с. 19].

Здесь И.И. Синчук ставит в вину В.Н. Рябцевичу нежелание глубоко вникнуть во все нюансы, связанные с архивным документом.

«Можно догадываться, что «Роспись чеховому делу» 1675 г. – скорее своего рода «логарифмическая линейка» либо «технологическая карта» 17 в., чем управленческие рекомендации, как считает автор. Не случайно ее полное название «Роспись чеховому делу, по скольку серебра в медь класть и сколько того будет, в 6 статьях» [1, с. 22].

1.5. Неприятие чеха рынком

В.Н. Рябцевич пишет «о неприятии московских пултораков, равно как и московских же серебряных проволоочных копеечек рынками Украины, Северной земли и Белоруссии». Рецензент показывает, что всё было с точностью наоборот. «Анализ письменных источников показывает, что копейка была предпочтительна, рынок региона не хотел ни сигизмундовских пултораков, ни московских, несмотря на массовое присутствие вкладах именно пултораков 1620-х гг.» [1, с. 22].

1.6. Производство чехов с несоответствующей датой

В.Н. Рябцевич не обходит вниманием «один из самых интересных моментов в производстве чехов севского дела – наличие на всех известных монетах только даты «1686», хотя производство велось с ноября 1686 г. по сентябрь 1687 г. Автор связывает эту дату на монетах с особенностью принятого в Московской державе исчисления лет (от сотворения мира, а не от рождества Христова)» [1, с. 23].

И.И. Синчук формулирует иную точку зрения. Её суть такова. «Несоответствие даты на монете и времени реального производства объясняется прямым требованием документа ставить определенную дату, которая через некоторое время стала несоответствующей. Экскурс автора в хронологию представляется излишним – не приводится ни одного документа, который содержал бы «хронологическую» мотивировку, а, как видно из вышеизложенного, возможно более простое рациональное объяснение наличия на всех известных монетах только даты «1686» [1, с. 25].

1.7. Технические особенности вальцовки

А сейчас есть возможность разобраться, кто является знатоком в вопросах работы вальцовального станка. «Автор произвел весьма важные для истории техники вычисления производительности вальцовального станка в Севске – она составила 10–13 чехов в минуту (с. 60)» [1, с. 25].

Однако И.И. Синчук показывает, что В.Н. Рябцевич не выяснил, «производилась ли синхронизированная с вальцовкой автоматическая вырубка или вырубка делалась вручную отдельной операцией, поскольку имеется сообщение о доставке в Москву в ноябре 1686 г. в качестве образцов чехов «обрезанных» и чехов «необрезанных», т. е. оттиснутых на полосе металла (с. 98). За пределами внимания автора остались некоторые очень важные фразы документов периода путяльского проекта, проливающие, как кажется, дополнительный свет на технику производства мелких монет вальцовкой» [1, с. 25].

В отличие от Рябцевича Синчук оказался знатоком технологических приёмов, связанных с металлической проволокой. Он пишет: «Среди занимающихся русской нумизматикой «проволочного периода», существует всеобщее убеждение, что изготовление денег из проволоки автоматически требовало использования серебра высокой пробы, т.к. из низкопробного сплава проволоку вытянуть невозможно – она рвется, причем, чем ниже проба, тем больше трудностей ждет мастеров» [1, с. 26].

Студентам, магистрантам, аспирантам будет полезно прочитать такой совет в книге И.И. Синчука: «Будущему исследователю для поиска ответа на поставленный вопрос необходимо воспользоваться методами, позволяющими судить о поверхностном слое в несколько микрон и дающими пробу ядра монеты, либо усредненную пробу всей монеты» [1, с. 28].

1.8. Изучение «поштемпельных» связей

Конечно, разделение чехов по времени производства выглядело как удача для любого исследователя. В.Н. Рябцевич решил, что не нужно изобретать велосипед. Профессор придерживался той точки зрения, что «выделение экземпляров, отчеканенных в 1686 и 1687 г. могло бы оказаться успешным ... при компаративном изучении штемпелей по методике, разработанной И.Г. Спасским». На деле же этот метод далеко не универсальный. Он распространяется только на одну конкретную ситуацию. «И.Г. Спасский успешно применял методику сравнения штемпелей для битых (со вт. пол. 19 в. в русскоязычной терминологии чеканенных) проволоочных копеек Московской державы. Исследование автора касается монет вальцованных, к которым разработанный И.Г. Спасским (1904–1990) и русским нумизматом-античником А.Н. Зографом (1889–1942) способ не применим принципиально» [1, с. 28].

Есть ещё одна загвоздка, о которой нет ни слова в книге Рябцевича. Складывается впечатление, что он о ней не знал. В книге И.И. Синчука читаем: «Следует отметить, что оптимизм в деле разделения чехов по времени производства не оправдан – даже при применении адекватных способов сравнения монетных оттисков валов можно в лучшем случае ожидать построения лишь хронологической последовательности групп монет, образованных двумя одновременно работающими валами. Осложняется разделение монет с целью установления хронологической последовательности их изготовления одновременной работой, как минимум двух мастеров-резчиков – Яна Гранковского и Семена Ялинского, о которых сообщает автор» [1, с. 28].

2. Тинфы

2.1. О различии в весе тинфов

В истории тинфов выступают два монетных двора, размещенных в Москве. Один из них – двор Приказа Большой Казны (Красный), второй – Приказа Морского Флота (Адмиралтейский, Кадашевский).

В книге поднимается вопрос о различных весовых и пробирных характеристиках тинфов обоих монетных дворов. Продолжая приведенные в книге авторские расчеты, которые призваны служить для пояснения смысла процитированных документов, можно вычислить, что по содержанию серебра тинф двора Приказа Большой Казны составлял лишь 50% (!) от тинфа Адмиралтейского двора (с. 171). Проба тинфов Казны составляла 75% от тинфов Адмиралтейства (с. 170). Вес тинфов Казны составлял только 67% (!) от тинфов Адмиралтейства или в среднем (по автору) 4,264 г (с. 170)» [1, с. 29].

Иван Иванович убедительно доказывает, что «статистически значимой разницы по весу монет не было – ведь это легко контролируемый показатель, а на монетном дворе были обязаны следить за редедимумом по весу и за несоблюдением уставного веса пришлось бы немедленно отвечать» [1, с. 30].

2.2. Потери металла при производстве

В.Н. Рябцевич затронул и «традиционный для русской нумизматики сюжет о потерях металла во время передела серебра [40]. Автором называется цифра в 11,24% (с. 162), основанная на документах тинфового дела» [1, с. 30].

И вновь прослеживается неосведомленность В.Н. Рябцевича в технологических вопросах. Любой подготовленный нумизмат превосходно знает об угаре и сплавах. Без этого невозможно выявить потери металла при производстве. Выступая оппонентом Рябцевича, Синчук пишет: «Мастера различали угар и сплавки, это подчеркивается даже средствами языка – в одном случае использовано единственное число, во втором – множественное. Не является ли здесь угар потерями при плавлении всей массы сырья, а сплавки – переработкой образовавшихся отходов производства (прежде всего ажуря после вырубки кружков)? Как видно из приводимых документов, «крохи» (ажур) в потери несутся не следует» [1, с. 30].

В архитектонику исследовательского процесса органически вписывается «самый больной вопрос, от выяснения которого автор лукаво уклонился: что же считается угаром при сплавке – 1) потеря веса готового сплава 500 пробы или же 2) потеря веса серебряного сырья, проба которого выше 500» [1, с. 30–31].

У многоопытного И.И. Синчука «вызывает неуверенность в результатах подсчетов оплаты труда выяснение действительной доли угара серебра при плавке. Известно по документам московских монетных дворов начала 17 в., что переплавка чистого (здесь высокопробного) серебра вела к выгоранию 0,6% металла» [1, с. 33].

Сказывается и отсутствие у Рябцевича навыков по части применения количественных методов при выявлении потерь металла при производстве. И.И. Синчук показывает, к чему это привело. «Замечание автора о якобы допущенных в ходе июньской плавки грубых нарушениях технологических норм, приведших к более чем трехкратному, по сравнению с декабрьской плавкой, увеличению массы отходов (с. 166–167), основано на прямом арифметическом сравнении без содержательного анализа цифровых характеристик. Крохи в количестве 34,07% говорят об отказе от переплавки ажюра во время цикла и вырубке из пластин экономным способом – несколькими вертикальными рядами со смещением отверстий соседних рядов на $\frac{1}{2}$ диаметра по вертикали друг относительно друга» [1, с. 35].

2.3. Проба тинфа

При анализе пробы тинфа надо иметь в виду, что в тогдашней России официально устанавливалась проба лишь на серебряные и золотые изделия. Естественно, серебряные тинфы были в этом ряду.

И.И. Синчук находит «весьма логичным то, что автор высказывает догадку о пробе шестака низшей, чем у тинфа (ведь он весит почти половину тинфа, а не $\frac{1}{3}$). Можно лишь приветствовать обращение автора к современным физико-химическим методам определения состава монет. В лаборатории Смитсоновского института было выполнено исследование четырех монет методами рентгеновской флуоресценции и EDS. Исследование подтвердило факт выбеливания монет, о котором говорят документы. Определены пробы объектов – 340 и 480 для тинфов, 210 и 470 для шестаков» (с. 189). Но на этом позитив кончается. Иван Иванович не выявил « в приведенном заключении ... доверительных интервалов, точности метода, количество замеров с одного объекта, характеристику аппаратуры и условий аппаратурного эксперимента. Отмеченное в двух случаях присутствие ртути не сопровождалось исследованием распределения элемента по глубине монеты, что позволило бы однозначно говорить либо о серебрении с использованием амальгамы либо об остаточных процессах изоляции серебра. Обращает внимание отсутствие в результатах упоминания о кремнии, магнии, алюминии, хлоре – элементах неизбежно выявляемых в заметных количествах при анализе серебра, которое старше 19 в., что поневоле заставляет ставить вопрос о совершенстве методики анализа» [1, с. 36].

2.4. Регион распространения тинфов

Нет нужды доказывать связь региона распространения денежной единицы с её функциональным назначением. Речь идёт, прежде всего, о следующей функции денег: средстве платежа. Сама логика подсказывает, что в регионе есть люди, которые получают выплаты в этой денежной единице. Но придерживается ли этой логики В.Н. Рябцевич? Скорее нет, чем да. «Несомненным достоинством книги является связывание вопросов производства тинфов с финансовым обеспечением Северной войны 1700–1721 гг.» Однако дальше идут нестыковки. Синчук пишет: «Автор высказывает твердое убеждение, не подкрепленное, впрочем, топографией находок, что большая часть тинфов оказалась на территории Восточной Белоруссии и средней части левобережья Днепра, поскольку именно здесь в 1707–1709 гг. развернулись наиболее значительные военные события. Кажется, с этим можно поспорить: сам автор весьма убедительно показывает, что большая часть тинфов предназначалась для выплат союзнику Петра I Августу II, но не местному населению. Цитируемые автором документы о расходе тинфов почти исключительно говорят о Пруссии (с. 181–182), куда после Полтавской победы 1709 г. переместился театр военных действий. Провиант и фураж, как можно понять из документов, покупался союзниками там, где опасались вызвать конфискациями нарекания местного населения» [1, с. 37–38].

2.5. Курс тинфа

Говоря о курсе денежной единицы, любой серьёзный исследователь строго придерживается принципа историзма. Курс денежной единицы не может быть одинаковым для всех времён и народов. Следовал ли этому принципу Рябцевич? Скорее нет, чем да.

Синчук разложил всё по полочкам. «Каким же был курс тинфа? Автор постоянно говорит о 12-копеечном курсе, что вроде бы и правильно, тем не менее режет ухо историка, привыкшего к работе с документами начала 18 в. Названный счет искусственно привнесён в начало 18 в. На копейки стали считать значительно позднее, в это время пользовались рублем в 200 денег, средней фракцией был алтын в 6 денег. Традиция официальной советской историографии,

старательно вырисовывавшей облик Петра-Kulturtrager'a, относит появление десятичной системы в России к 1700 г., что является вызванной идеологическими соображениями ложью» [1, с. 38]. Получается так, что Рябцевич просто взял и повторил миф советской историографии. Научного определения курса тинфа у него не получилось. Синчук желает понять ход мыслей Рябцевича, задаёт острый вопрос и убедительно на него отвечает.

«Почему же именно в 12 проволочных копеек был оценен тинф? Наверно, объяснение в том, что копейка ценилась в пулторак, а 12 пултораков приходилось на орт-тынф в 18 серебряных грошей. Как в Московской державе реально выступала в обращении копейка, а не денга, так и в соседней Речи Посполитой, где считали на гроши, реально в обращении был пулторак, а не грош» [1, с. 39].

2.6. Финансовый perpetuum mobile Петра I

Perpetuum mobile в переводе означает «вечный двигатель». Помню, как в своё время советские школьники моего поколения живо интересовались тем, что в разные века, в разные эпохи выдвигались проекты создания perpetuum mobile в технической отрасли. Но нам никто не рассказывал о проектах финансового perpetuum mobile. И вот в книге Синчука читаем: «Требуется пояснения предложенная Петром I операция, напоминающая некий финансовый perpetuum mobile. Автор предпринимает такую попытку, говоря о «100 копейках, использованных в качестве серебряной основы чеканки» (с. 160), но пояснение не делает более понятным это «экономическое чудо», направляя мысль в ложное русло подсчетов потерь при переделе обращающихся проволочных копеек» [1, с. 40].

Синчук прав в следующем утверждении: «Чтобы прояснить загадку финансового perpetuum mobile, следует затронуть вопрос о прототипе тинфа Петра I». Поскольку он продолжал видеть прототип иначе, чем автор (у автора это саксонский зехстельталер), Синчук позволил себе автоцитату.

«Петровский тинф, битый подобным по изображениям как на монеты Августа II, так и Фридриха III, по весу и размерам близок обращающимся в Речи Посполитой и Пруссии разновременным средней величины серебряным монетам, которые соответствовали тынфу-орту, но наиболее ему метрологически близки прусские орты конца 17 в. Сверхприбыль российское правительство получало путем понижения принятой для прусских ортов пробы в 641 промилле до 500 промилле и ниже, что было гораздо сложнее сразу же обнаружить, чем отклонение в весе монеты» [1, с. 40].

Слов нет, финансовая машина российского самодержца не стыковалась ни с какими объективными экономическими законами. Это – пример авантюризма в финансовой политике. Его анатомии распознал Синчук, но не Рябцевич. В книге читаем: «Как работала финансовая машина Петра I, производящая деньги из воздуха? По моему мнению, с помощью петровских штыков. В 1706 г. польская сторона потребовала признания равенства при выплатах субсидий весового количества копеек весу талера (с. 153). Отсюда следует, что этого равенства не было, несмотря на равенство пробы, и что Петру I удавалось силой поддерживать завышенный курс своих денег при расчетах с союзниками на уровне 7-8 гривен или 140–160 денег» [1, с. 42].

2.7. Превращение массового тинфа в редкую монету

Рябцевичу не удалось выяснить секрет превращения массового тинфа в редкую монету в петровскую эпоху. В отличие от Рябцевича, ход мыслей Синчука был таков.

«Четкое осознание силового нажима Петра I позволяет высказать догадку и о судьбе массовых тинфов, неожиданно ставших редкой монетой. Один из документов позволяет догадываться, что тинфов было выбито не менее 1,6 млн экземпляров (с. 167), что в 4,7 раза меньше по сравнению с выпуском тинфов Яна Казимира, которых было выбито около 7,5 млн экземпляров». Обращаем внимание проницательного читателя на фундаментальные научные изыскания Синчука. Им «в 1995 г. была начата работа по паспортизации хранимых в музейных коллекциях тынфов Яна Казимира. Уже имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют утверждать, что тынфы Яна Казимира не встречаются так часто, как это обычно представляют, но чаще, чем это можно было бы прогнозировать, исходя из известного сегодня количества тинфов Петра I и отношения объемов их производства. Следует искать причину этой диспропорции. Более того, в одном из польских кладов наряду с тынфами Яна Казимира был встречен тинф Петра I, отношение сохранившихся монет клада к тынфу составило 1:256» [1, с. 43].

2.8. «Русские тинфы» и «русский злотый»

О тинфах Петра I можно предметно рассуждать только на основании сравнения самых разнообразных источников. Такая компаративистика резко повышает достоверность выводов и оценок. В книге И.И. Синчука читаем: «Автору удалось найти в белорусских и украинских письменных источниках лишь одно упоминание о тинфах Петра I – датированное 1714 г. постановление сеймика Брестского воеводства: «... тинфы Московские запрещаем» (с. 183). Польскими и прусскими источниками автор не пользовался. Если вспомнить, что ряд российских документов называет их «тинфами русскими» (с. 177, 182), а в 18 в. (первое зафиксированное упоминание – 1728 г., последнее – 1771 г.) хорошо известен по документам «злотый русский», в котором видят 10 российских копеек [51], то поневоле хочется увязать эти упоминания воедино и поискать истоки счетного русского злотого в конкретной монете начала 18 в.» [1, с. 44].

Синчук с сожалением констатирует, что «автор обошел вниманием и касающийся заявленной темы очень важный вопрос перехода от курса копейка – пулторак к курсу копейка – три гроша. По состоянию на сегодняшний день известно, что в конце 17 в. держался полуторагрошовый курс, в начале 18 в. – трехгрошовый. Точные даты и причины изменений не известны. С весом копейки произошла обратная метаморфоза: в конце 17 в. копейка весила 0,40 г, а в начале 18 в. – 0,28 г.» [1, с. 44].

3. Приложения монографии как источник

Есть устоявшиеся требования к приложениям любой монографии. Они должны органически дополнять основную часть, полностью коррелироваться с её структурными компонентами. Научная ценность приложений определяется их эксклюзивностью. Каждое приложение должно быть максимально удобно для использования. Следует строго указывать источники, на базе которых формируется блок приложений.

3.1. Метрологические характеристики монет

У Ивана Ивановича «наибольшее количество вопросов возникает при изучении Приложения VII (с. 250–253), посвященного весу описываемых монет. В подписях к кумулятам (выбран почему-то этот наименее привычный вид графических характеристик вариационного ряда) не сообщается количество использованных монет, как и не оговорено, где содержатся цифровые сведения (в таблицах либо в тексте)» [1, с. 45].

Рецензента далеко не удовлетворяет Приложение VIII. В работе И.И. Синчука читаем: «Особо следует сказать о Приложении VIII, носящем название «Монеты и медали, упоминаемые в тексте (каталог-определитель)», состоящем из 24 фототаблиц с изображениями 164 монет и медалей.

Имея дело с книгой монографического характера, можно было ожидать, что в фототаблицах окажутся все выявленные объекты, благо, они достаточно редки. На самом деле $\frac{1}{3}$ (8 из 24) таблиц отданы под сопутствующие изложению изображения монет и медалей – вспомогательные иллюстрации, а оставшаяся часть охватывает лишь собрание Эрмитажа, но не является, к сожалению, корпусом» [1, с. 46].

«Размышление о талере и гроше» – так называется рецензия И.И. Синчука на книгу И.Г. Спасского «Русские ефимки. Исследование и каталог», изданную в Новосибирске в 1988 году.

Начнём с ликбеза для непосвященных. «Ефимки с «признаками» – так в Московском государстве называли талеры, которые были контрмаркированы штемпелем московской копейки и штемпелем с датой «1655» и использовались московским правительством до 1659 г. (...) По количеству найденных кладов с ефимками Беларусь стоит сразу после Украины. Почти все находки сделаны на территории действий московских войск в границах Речи Посполитой (имеются в виду границы до 1654 г.). Около миллиона ефимков было введено в денежное обращение белорусско-украинских земель, где они содержались до первой четверти 17 в.» [1, с. 69].

Синчук полностью соглашается с мыслью И.Г. Спасского о том, что «отсутствие государственной монополии на переработку серебра в монеты привело к невероятному насыщению московских земель кладами, так как купец ради прибыли сразу же переделывал талеры в копейки и выпускал в оборот, несмотря на достаточное количество монет на рынке. Купеческая воляница неожиданно была прекращена в 1649 г. – все талеры надлежало сдавать казне. Так в финансовой

сфере проявилась реакция московских властей на начало восстания под руководством Богдана Хмельницкого» [1, с. 69–70].

Синчук считает заслуживающим внимания описание И.Г. Спасским попытки ввести рубль и его фракции в виде медного полтинника размером с талер и серебряного обрубком талера – полполтинны. Эта попытка «закончилась провалом» [1, с. 70]. Как же был найден выход из тупика? Каковы последствия этого выхода? На какие размышления натолкнули ответы Спасского на поставленные вопросы? В книге читаем: «В 1655 г. назрело новое решение проблемы: внутренний рынок был заполнен массой медных копеек, которые сначала шли по курсу серебряных, а на денежные выдачи войскам, находившимся на присоединенных к Московскому государству или временно оккупированных землях, шло серебро, экономичное в результате этой операции.

Автор замечает, что на Украине находки медных копеек все-таки встречаются. Надо добавить, что и на территории Беларуси отмечены такие находки, но количество их также невелико. Если учесть, что добавка одного миллиона талеров-яфимков нарушила, как справедливо отмечает И.Г. Спасский, баланс между талерами и мелкими фракциями его в денежном обращении, который еще раньше был ухудшен ограничением изготовления мелких монет на монетных дворах Польши во второй четверти 17 ст., то можно понять, почему в начале 60-х годов медная копейка в Беларуси иногда шла даже по курсу билонного солида.

Мы с интересом узнаем, что в результате использования контрмаркированных талеров-ефимок, равных 64 копейкам (столько копеек «укладывалось» в талер по весу), стрельцы теряли 20% своего заработка, так как талер на рынке, по крайней мере Украины, шел по 50 копеек» [1, с. 70–71].

Синчуку также понравилось замечание И.Г. Спасского, что «совокупность собственных и приобретенных» признаков делает ефимки одинаково интересными для западноевропейской и русской нумизматики» [1, с. 72].

Иван Иванович всесторонне оценивает книгу Мельниковой А.С., Дядченко О.С. «Монетные клады: Сводка кладов и сведений о находках [с русскими монетами, поступившими в Государственный Исторический музей после 1966 г.]». По содержанию рецензии чувствуется, что рецензент капитально поработал с собраниями Государственного Исторического музея, на протяжении многих лет внимательнейшим образом следит за всеми его изданиями. «Выпущенная по решению Ученого совета Издательским центром Государственного Исторического музея книга Мельниковой А.С., Дядченко О.С. о монетных кладах с русскими монетами продолжила замечательную и уникальную для СССР и СНГ традицию музея вводить в научный оборот поступившие в музей клады. Со времени издания последнего списка кладовых поступлений в отдел нумизматики ГИМ прошло полтора десятилетия, был охвачен период 1945–1980 гг. (авторы Мец Н.Д., Мельникова А.С., Соболева Н.А.). Хронологический разрыв между находками, описанными в данном издании, и последней публикацией новых поступлений обещает заполнить работа Мельниковой А.С., Дядченко О.С. «Сводка кладов монет, зарегистрированных в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея за 1963–1964 г.», подготовленная к печати» [1, с. 73].

Иван Иванович с удовлетворением отмечает, что «предложенная читателям книга не только продолжает традицию публикации кладовых поступлений в отдел, но и аккумулирует всю накопленную отделом информацию о находках кладов за этот период» [1, с. 73].

Синчук находит вполне логичным, что «у авторов получилось 11 периодов: XIV – начало XVI в., 1533–1598 гг., 1598–1606 гг., 1606–1612 гг., 1613–1645 гг., 1645–1682 гг., 1682–1725 гг., XVIII в., XIX в., конец XIX в. – 1922 г., 1922–1943 гг. Короче говоря, для XVI–XVII вв. принята укрупненная хронологическая шкала по царствованиям, затем идут XVIII–XIX вв. с абсолютной хронологией, царствование Николая II и Гражданская война, период советского государства. Привязка к царствованиям, столь непопулярная в доперестроечные часы, легко объяснима отсутствием на проволочных копеечках XIV–XVII вв. привычных для европейских монет дат» [1, с. 74].

Привлек внимание Синчука раздел «Клады времени Василия Ивановича Шуйского (1606–1610) и Владислава Жигимонтовича (1610–1612)», однако во время Смуты денежное обращение весьма слабо подпитывалась новыми поступлениями с государственных

монетных дворов, количество кладов сокращается и это собственно и есть главная информация раздела». [1]. Многоопытный белорусский нумизмат никак не мог пройтись мимо «отмечаемого для этого времени возрастания размеров денежных накоплений в кладе, и высказываемом предположении, что в большинстве своем клады этого периода – сбережения служивых людей» [1, с. 74–75].

Сильно впечатлило Синчука то, что «в последних четырех разделах «Сводки» авторы работают с материалом, обычно проходящим мимо внимания музейных работников – кладами 18–20 вв. [1], что для 19 в. отмечается снижение кладовой активности, что связывается с развитием кредитно-банковских учреждений» [1, с. 75].

Неожиданностью для Синчука «оказалось наличие значительного количества кладов советского времени, которые, к тому же, делятся на четкие временные группы: клады времени денежной реформы 1922–1924 г., клады 1926–1931 г. (кладообразование стимулировало прекращение выпуска серебряных разменных монет в 1931 г.), клады 1938–1943 г. (начало очередного всплеска кладообразовательной активности связывается с развертыванием массовых репрессий)». Специальное внимание, как и для 19 в., обращается на не фиксируемые обычно кладовые комплексы бумажных денежных знаков» [1, с. 75–76].

Когда читаешь рецензии Синчука, невольно поражаешься его широчайшей образованности. Хорошо известно, что всегда были преподаватели-многостаночники. Не секрет, что только небольшая часть из них в равной степени тянет все дисциплины. Но одно дело преподавать. Совсем другое дело – позиционировать себя в дискурсах по самым разным отраслям науки. Овладеть на высоком уровне многими отраслями знания, да к тому же в той степени, чтобы выступать в каждой из них классным экспертом – это просто фантастика. И всё это Синчук!

Отметим, что Синчук И.И. хорошо ориентируется и в непривычной для нумизматики области. Он рецензирует книгу Григорьева Э.А., Машкова В.В. под названием: «Угольные печатки: Каталог знаков учета сырья в металлургической промышленности России XVIII–XX вв.». Синчук И.И., капитально разобравшись в подобных знаках учёта, провел свое собственное исследование и, по сути, создал аналитическую часть этой каталожной работы.

«Такой нумизматический памятник, как угольные печатки, служащие для учета сырья, доставляемого на металлургические заводы, малоизвестен. Подобные жетоны применялись не только в России 18 – начала 20 в., но и в европейских державах, однако, наибольшее распространение они получили именно в Российской империи. Назначение печаток – служить жетоном-квитанцией, т. е. подтверждать прием определенного неким нормативом сданного на завод угля, извести или руды приписанным к нему крепостным крестьянином, а в в. – свободным работником» [1, с. 77].

Крупный белорусский учёный-нумизмат показал, что «каталог безусловно полезен – по крайней мере, можно получить достаточное представление о жетонах сибирских заводов» [1, с. 95].

Очень хотелось бы, чтобы компетентные органы взяли на заметку следующий пассаж из рецензии: «После выхода каталога нельзя не насторожиться в ожидании антикварных подделок, поскольку вспоминается, как выход книги В.В. Узденикова дал возможность умельцам практически сразу же начать массовый выпуск редких монет собственного изготовления» [1, с. 95].

Рецензент решил «подсказать авторам следующий шаг – сделать электронную общедоступную версию каталога с помощью какого-нибудь массового продукта, причем не в HTML-формате и не .pdf (Adobe Acrobat), но в электронной таблице (например, Excel) либо в современной системе управления базами данных с возможностью работы с OLE-объектами (скажем, Access или Visual FoxPro), которые позволят пользователю находить объекты с помощью удобных стандартных средств поиска, с одной стороны, с другой – получать характеристики по всему массиву данных» [1, с. 95].

Впечатляет, что Иван Иванович рецензирует труды, написанные на разных языках. Блестящее владение польским языком позволило ему ознакомиться на языке оригинала с каталогом **«Монеты Польской Республики 1919–1939» Януша Пархимовича**.

Крупный белорусский нумизмат отмечает следующие достоинства издания. Каталог «представляет собой полноцветное издание формата А4 объемом 330 страниц не считая рекламы в конце книж-

ного блока на 38 страницах. Книга имеет твердый переплет, шита лагинами, издана на мелованной бумаге. Свою работу автор отнес к новому поколению справочной литературы – каталогу-альбому; она собственно и есть первый образец задуманных справочников нового формата. В книге использовано свыше 1000 цветных фотографий. Каталог интересен не только польскому читателю, но и в равной степени украинскому, белорусскому, литовскому – части территории их государств входили в состав довоенной многонациональной Польской Республики, соответственно на этих землях денежное обращение обслуживалось официальными денежными знаками Польской Республики (...)

Путеводитель по каталогу занимает 5 страниц (с. 9–13). В него вошли принципы составления каталога (расположение по функциональным группам, внутри них по номиналу, далее по литерным разновидностям), указывается на соответствие позиций каталога нумерации предшествующих каталогов автора, оговаривается, что цены приводятся только для неординарных монет, подчеркивается, что тиражи монет для обращения «были определены на основании доступных документов», приведены шаблон описания монеты, список 19 аукционистов, данными которых пользовался автор, определение коллекционерской монеты, графическое описание состояния, список сокращений и условных графических знаков, перечень монетных дворов, фототаблица знаков монетных дворов, список авторов проектов польских монет. Завершает раздел список известных нумизматов, имена которых приводятся в каталоге» [1, с. 96].

Вместе с тем Иван Иванович указывает на недостатки издания, которые, по его убеждению, не носят кардинальный характер.

Например, Синчуку не понравилось то, что «в описании приводится лишь диаметр рабочей поверхности штемпеля, чувствуется нехватка диаметра цилиндра либо нижнего и верхнего диаметра конуса штемпеля, его высоты, высоты начала скоса, высоты рельефа легенд и изображений, веса штемпелей. Хотелось бы видеть и фото с выбитой пунсоном датой изготовления каждой матрицы и матрицы. При увеличенных изображениях рабочей поверхности матриц следовало бы сделать примечание, что она отзеркалена, для удобства читателя. Весьма желательно так же было бы видеть в описании ссылку на документ, на основании которого установлен тираж описываемого образца» [1, с. 115].

Впечатляет проделанная рецензентом блестящая аналитическая работа с пробными монетами, которые делались по анонимным конкурсным эскизам, причем столь серьезное исследование проведено практически «вслепую», по косвенным признакам и стилистическим особенностям. К сожалению, не имея в руках рецензируемого каталога с изображениями обсуждаемых монет, читателю трудно оценить изящность и грандиозность проделанной рецензентом работы.

Необычайно важна действительно пионерская работа рецензента по компаративному сравнению приводимых в каталогах годовых тиражей монет с их долей в кладах, которая полностью разрушает более чем полувековую традицию использования данных финансовых документов о передаче неких сумм с монетного двора в банк как источника сведений о количестве экземпляров с датами определенного года. Кстати, подобное явление следом за американским нумизматом Р.Джулиани вскользь отмечал для монет Российской империи царствования Николая II известный советский нумизмат И.Г. Спасский [3, с. 140].

По большому счету, описанная работа рецензента является самостоятельной весьма основательной исследовательской статьей.

Иван Иванович Синчук демонстрирует образец научной экспертизы и при обращении к трудам в области бонистики.

Впечатляет разбор книги Kharitonov D. Jewish Paper Money in Russia: Catalogue = Харитонов Д. Бумажные деньги еврейских общин в России: Каталог. S.l., 2003. Наиболее значимый пассаж из книги таков: «Книга является прекрасно изданным в Чехии каталогом-ценником с цветными иллюстрациями высокого качества на хорошей плотной бумаге. Большая часть знаков впервые печатается в цвете. Все описания сделаны английским языком, исключением являются параллельное авторское вступление на русском языке и содержание...В книжке можно найти боны кооператива потребителей при сионистской организации города Бобруйска (10 руб., 5 руб., 3 руб., 1 руб. – С. 10-11), Гродненского рабочего кооператива (3 марки, 1 марка, 50 пфеннигов с датой 1.10.1919 –

с. 40-41), Минского объединенного кооператива (5 руб., 3 руб., 1 руб., 50 коп. – с. 68-71), и еще боны с 31 места других общин. Не оказалось в каталоге квитанций правления еврейской общины с м.Колышки Лиозненского района Витебской губернии 1918 г. (5 номиналов двух разновидностей: 10 руб., 5 руб., 3 руб., 1 руб.). К сожалению, название каталога не содержит описания хронологического отрезка времени, которого он касается. Все приведенные банкноты появились во времена революции и гражданской войны, т.е. в 1917-1920 гг., в качестве альтернативных денег, когда на местах не хватало средств оплаты или они были нестабильными» [1, с. 314].

Не менее удачной получилась рецензия на книгу Рябенко П.Ф. «Полный каталог бумажных дензнаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–2003)». Т. 3. Боны стран СНГ и Прибалтики (Paper money of CIS and Baltic States). – 3-е переиздание, дополненное и переработанное. – К., 2005.

Достоинства издания отмечены следующим образом: «В томе содержится информация о денежных выпусках стран СНГ и Прибалтики. Официальным денежным выпускам Беларуси

посвящено 10 страниц (позиции с 11 800 по 12 115), частным и другим необязательным выпускам Беларуси отведено 12 страниц (позиции с 16000 по 16243). Официальные выпуски прослежены с 1915 по 2001 г., от общеобязательных к выпускам революционных комитетов в отдельных городах. Хронология частных выпусков простирается с 1860-х по 1990-е гг., от брестских выпусков бонов в 15 и 25 копеек Исаака Вархалтига Люблинера 1861 г. до «тяпинов» Тяпинской школьной республики 1998 г. (Чашникский р-н). ... Каталог Петра Федоровича Рябенко сегодня стал основной книгой для бонистов» [1, с. 315].

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Синчук, И.И. Ненужные рецензии. – Минск, 2015.
2. Смирнов, М.И. Со знаком «С.П.Б.»...: Очерки истории Санкт-Петербургского монетного двора 1724–1994. – Тольятти, 1994.
3. Спасский, И.Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914–1917 гг. // Нумизматика и сфрагистика. – Т.3. – Киев, 1968.

Материал поступил в редакцию 12.02.2018

STRELETS M.V. Realistic Overview at the Current State and Prospects of the Development of Subsidiary Historical Disciplines

Reviewing of scientific works is associated with tremendous responsibility. It is necessary to have a thorough knowledge of the issues pertaining to the peer-reviewed publication. It is of fundamental importance to apply the optimal theoretical and methodological tools for the analysis of scientific papers.

The elementary truth is observance of professional ethics in those cases when disagreement with the author of the publication is demonstrated. Each reviewer must be firmly aware of the legal acts related to the protection of intellectual property. The book with the noteworthy title "Unnecessary reviews" by the great Belarusian scientist Ivan Ivanovich Sinchuk completely satisfies the mentioned criteria.

This publication will examine reviews of the scientist's publications in the field of auxiliary historical disciplines, will be dismantled.

УДК 322(476)(09)

Сушко В.В.

АДВЕНТИЗМ: ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ДОКТРИНЫ ВЕРОУЧЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Одними из крупнейших направлений неопротестантизма являются объединения адвентистов седьмого дня (АСД). В мире, наряду с христианами веры евангельской (пятидесятничеством) и евангельскими христианами-баптистами (баптизмом), они представляют влиятельную религиозную деноминацию.

История возникновения и эволюции адвентизма относится к первой половине XIX века. Название этого неопротестантского направления происходит от латинского *adventus*, что означает пришествие. В 1831 г. в американском городе Нижний Хэмптон на молитвенном собрании баптистов проповедник Вильям Миллер заявил, что ему известна дата второго пришествия Христа и состоится оно 21 марта 1843 г. Однако первые «пророчества» не сбылись, и адвентизм переживал кризис догматики.

Возрождение влияния адвентизма и его дальнейшее распространение связано с именем проповедницы Елены Уайт (урожденной Гасмон). Основой вероучения Е. Уайт стало соблюдение и почитание, в первую очередь, четвертой заповеди о праздновании субботы, так как, по ее мнению и на основании явившегося к ней видения, «люди забыли день субботний почитать, а вместо этого почитают день воскресный» [1]. Начиная с 1847 г., было решено отмечать субботний день как почитание Бога.

После официального образования Генеральной Конференции АСД (управленческого органа) и достаточно большого распространения этого религиозного объединения в США, начинается период становления этой деноминации в Западной Европе, странах Азии и Африки.

На территорию Российской империи адвентизм впервые проникает в конце XIX века и утверждается в Донской и Кубанской областях, Таврической губернии, в Поволжье и Прибалтике, преимущественно в среде немецких поселенцев. Для распространения вероучения в Россию направляются многочисленные миссионеры, которые активно приобщают новых приверженцев. Таким образом, в

г. Риге 12 октября 1907 г. состоялся первый Всероссийский съезд адвентистов седьмого дня, на котором был образован Российский союз адвентистов.

На территории Беларуси впервые последователи адвентизма появились в начале XX века. Одними из путей распространения этой неопротестантской деноминации была активная миссионерская деятельность проповедников, притоки немецких ремесленников из регионов Восточной Пруссии и г. Ковно, а также, так называемые «отходные промыслы», когда крестьяне выезжали за границу на работу и возвращались обращенными в новую религию. Отсутствуют точные данные, когда появилась первая община АСД на территории белорусских земель, но сохранившиеся материалы свидетельствуют, что в г. Минске в 1923 г. была основана группа верующих адвентистов седьмого дня. Следует отметить, что возникновение новых религиозных объединений адвентистов не было повсеместным. Преимущественно общины образовывались в приграничных белорусских городах и деревнях.

После событий Октябрьской революции 1917 г. и утверждения советской власти, адвентисты заняли лояльную и даже поддерживающую позицию по отношению к большевикам, характеризуя новый строй как справедливый и демократичный. Тем не менее, объединения верующих адвентистов в 1920-1930-е гг. на территории восточной части Беларуси не распространялись с такой стремительностью, какая была характерна общинам пятидесятников и баптистов. Некоторые исследователи предполагают, что интерес к группам адвентистов седьмого дня не был велик у населения из-за своей консервативности и большего формализма, по сравнению с движениями евангельских христиан-баптистов и христиан веры евангельской.

На территории западной части Беларуси данная деноминация нашла больший отклик среди местного населения. Таким образом, на Полесье действовали группы адвентистов в д. Паршевичи,

Сушко Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.